

У моего отца на письменном столе стоял стеклянный шар, а в нем — утопающий в снегу пингвин с красно-белым полосатым шарфиком на шее. Когда я была маленькой, папа сажал меня к себе на колени, придвигал поближе эту вещицу, переворачивал ее вверх дном, а потом резко опускал на подставку. И мы смотрели, как пингвина укутывают снежинки. А мне не давало покоя: пингвин там один-одинешенек, жалко его. Поделившись этой мыслью с отцом, я услышала в ответ: «Не горюй, Сюзии, ему не так уж плохо. Ведь он попал в идеальный мир».

Глава первая

Меня звали Сюзи, фамилия — Сэлмон, что, между прочим, означает «лосось». Шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года, когда меня убили, мне было четырнадцать лет. В середине семидесятых почти все объявленные в розыск девочки выглядели примерно одинаково: цвет кожи — белый, волосы — пышные, каштановые. Лица, похожие на мое, смотрели с газетных полос. Это уж потом, когда стали пропадать и мальчишки, и девчонки, и черные, и белые — все подряд, их фотографии начали помещать и на молочных пакетах, и на отдельных листовках, которые опускали в почтовые ящики. А раньше никто такого даже представить не мог.

В седьмом классе я записала в свой ежедневник слова одного испанского поэта, на которого указала мне сестра. Его имя — Хуан Рамон Хименес, а изречение было такое: «Если тебе дадут линованную бумагу, пиши поперек». Мне оно понравилось по двум причинам: во-первых, в нем выражалось презрение к заведенному распорядку, когда все делается как в школе — по звонку, а во-вторых, это же не какая-нибудь идиотская цитата из популярной рок-группы,

а значит, меня кое-что выделяло из общей массы. Я с удовольствием занималась в шахматном клубе и посещала факультатив по химии, зато на уроках домоводства, к ужасу миссис Дельминико, у меня пригорало все, что ставилось на огонь. Моим любимым учителем был мистер Ботт, который на своих уроках биологии развлекался тем, что учил нас препарировать лягушек и раков, а потом при помощи электродов заставлял их дергаться.

Сразу скажу: убил меня вовсе не мистер Ботт. Не стоит думать, будто каждый новый человек, о ком здесь пойдет речь, окажется в числе подозреваемых. Вовсе нет. Просто чужая душа — потемки. Мистер Ботт пришел на мою панихиду (там, кстати, собралась почти вся школа — раньше я и мечтать не могла о такой популярности) и даже прослезился. У него тяжело болела дочка. Это ни для кого не составляло тайны, и когда он смеялся своим собственным шуткам, которые уже всем приелись за сто лет до нашего поступления в школу, мы тоже хохотали, порой даже через силу, чтобы только не обидеть учителя. Его дочери не стало через полтора года после меня. У нее была лейкемия. Но в моем небесном краю мы ни разу не встретились.

Тот, кто меня убил, жил в нашем квартале. Мама восхищалась его цветочными бордюрами, и отец как-то у него поинтересовался, чем их лучше удобрять. Оказалось, убийца использовал только старые, проверенные средства, такие как яичная скорлупа и кофейная гуща; сказал, что этому его научила матушка. Вернувшись домой, отец с ехидной улыбкой приговари-

вал: цветочки — дело хорошее, спору нет, но в жару от них пойдет такой дух, что небесам будет тошно.

Впрочем, шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года еще падал снег, и я побежала из школы самым коротким путем, через поле. Тьма была — хоть глаз выколи, потому что зимой смеркается рано; помню, я то и дело спотыкалась о сломанные кукурузные стебли. Снежинки мельтешили перед глазами, будто крошечные мягкие лапки. Я дышала носом, но вскоре из него потекло в три ручья, и пришлось глотать воздух ртом. В двух шагах от того места, где стоял мистер Гарви, я высунула язык, чтобы поймать холодную звездочку.

— Только не пугайся, — произнес мистер Гарви.

В сумерках, посреди безлюдного поля — конечно, я перепугалась.

Уже после смерти меня осенило: а ведь над полем витал едва уловимый запах одеколона, но я не обратила на это внимания, а может, решила, что его принесло ветром из ближайшего дома.

— Мистер Гарви, — выдохнула я.

— Ты ведь старшая сестричка Сэлмон, верно?

— Верно.

— Как поживают твои родные?

При том, что в семье я действительно была старшей из детей, а в школе щелкала трудные контрольные, как орешки, рядом со взрослыми мне почему-то становилось не по себе.

— Нормально, — выдавила я, дрожа от холода, но из уважения к его возрасту словно приросла к земле, тем более что он жил по соседству и папа недавно беседовал с ним об удобрениях.

— А я тут кое-что соорудил,— сказал он.— Хочешь посмотреть?

— Вообще-то я замерзла, мистер Харви,— ответила я.— И потом, мне мама не разрешает гулять, когда темно.

— Сейчас так и так темно, Сюзи,— возразил он.

Почему я тогда ничего не заподозрила? До сих пор не могу себе этого простить. Откуда ему было знать мое имя? Наверно, подумала я, папа рассказал ему какую-нибудь ненавистную мне байку — из тех, что считал свидетельством его любви к детям. Мой отец был из тех, кто фотографирует трехлетнюю дочку голышом и держит этот снимок в ванной, на погляденье гостям. Слава богу, в нашей семье эта участь выпала моей младшей сестре Линдси. Я, по крайней мере, была избавлена от такого позора. Зато папа обо-жал всем рассказывать, как после рождения сестры меня обуяла такая ревность, что в один прекрасный день, пока он говорил по телефону, я подкралась по дивану к переносной колыбельке, где спала Линдси (а он следил из другой комнаты), и попыталась опи-сать новорожденную. Об этом отец поведал сначала пастору нашей церкви, потом соседке, миссис Стэд, чтобы та высказала свое профессиональное суждение как врач-психотерапевт, и, наконец, всем знакомым, которые говорили: «Сюзи у вас бойкая!»

— «Бойкая»! — подхватывал отец.— Вы еще не все знаете! — И с ходу пускался в подробности о том, «как Сюзи пописала на Линдси».

Но, как выяснилось позже, отец вообще не упо-минал нас в разговоре с мистером Гарви и уж тем

более не рассказывал ему, «как Сюзи пописала на Линдси».

Впоследствии мистер Гарви, повстречав на улице мою маму, сказал ей такие слова:

— До меня дошли слухи об этой страшной, чудовищной трагедии. Напомните, как звали вашу девочку?

— Сюзи, — бодрясь, ответила мама, придавленная этим грузом, который, по ее наивным расчетам, мог со временем стать легче.

Ей было неизвестно, что боль останется на всю жизнь, делаясь с годами все более изощренной и жестокой.

На прощанье мистер Гарви, как водится, сказал:

— Надеюсь, этого мерзавца скоро поймают. Примите мои соболезнования.

В это время я уже была на небесах и пыталась приспособиться к другому состоянию, но от такого бесстыдства просто взвилась. «У этого гада нет ни капли совести», — воззвала я к Фрэнни, которая стала мне наставницей. «Точно», — подтвердила она и ограничилась этим простым словом. В моем небесном краю не принято было снисходить до всякой дряни.

Мистер Гарви пообещал, что это займет буквально одну минутку, и я пошла за ним чуть дальше, туда, где кукурузные стебли высились в полный рост, потому что никто из ребят не ходил этой дорогой. Както раз мой братишка Бакли заинтересовался, почему никто не ест местную кукурузу, и мама объяснила, что это несъедобный сорт. «Таковыми початками кормят лошадок. Люди это не едят», — сказала она. «А со-

бачки?» — спросил Бакли. «Собачки тоже не едят». — «А динозаврики?» — не унимался Бакли.

И так до бесконечности.

— Я здесь соорудил тайное убежище, — сказал мистер Гарви.

Тут он остановился и повернулся ко мне.

— В упор не вижу, — сказала я.

От меня не укрылось, что мистер Гарви как-то странно сверлит меня взглядом. С тех пор как я вышла из детского возраста, пожилые дядьки частенько бросали на меня такие взгляды, но вряд ли кого-нибудь могло всерьез заинтересовать чучело в длинной синей куртке на меху и в теплых желтых брюках, расклеванных книзу. Поблескивая маленькими круглыми стеклышками в золотой оправе, мистер Гарви смотрел на меня поверх очков.

— А ты, Сюзи, приглядиись получше — и увидишь, — сказал он.

Больше всего мне хотелось приглядеться и увидеть дорогу домой, но из этого ничего не вышло. Почему? Фрэнни объяснила, что такие вопросы лишены смысла: «Не вышло — и все тут. Не стоит этим терзаться. Что толку? Ты умерла, и с этим надо смириться».

— Вторая попытка, — сказал мистер Гарви, опустился на корточки и постучал по земле.

— А что тут особенного? — не поняла я.

У меня мерзли уши. Я терпеть не могла пеструю шапку с помпоном и бубенчиками, которую мама когда-то связала мне к Рождеству. Этот шутовской колпак был засунут в карман куртки.

Помню: я сделала шаг вперед и потопала на месте. Под ногами было что-то твердое, но не похожее на мерзлую землю.

— Доски, — сказал мистер Гарви. — Чтобы вход не обвалился. Здесь у меня землянка.

— Какая еще землянка? — спросила я, забыв и про холод, и про мужской взгляд. Можно было подумать, меня занесло на урок биологии: мне стало любопытно.

— Залезай, погляди.

Внутри было не повернуться, он и сам это признал, когда мы втиснулись в землянку. Но моим вниманием уже завладел искусно сделанный дымоход, который позволял при необходимости разводить под землей огонь, поэтому я уже и думать не думала, как неудобно было забираться внутрь и каково будет вылезать наружу. К тому же я не имела понятия, что значит спастись бегством. Убегать мне случалось разве что от Арти, мальчишки из нашей школы. Его отец был владельцем похоронного бюро, и Арти вечно делал вид, будто таскает с собой шприц для бальзамирования. Даже на своих тетрадях он рисовал иголки, с которых капает темная жидкость.

— Супер-дупер! — сказала я мистеру Гарви.

Сгорбившись, он стал похож на Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери» — мы это читали на уроках французского. Но мне уже было все равно. Я впадала в детство. Превратилась в своего братишку Бакли, которого было не оторвать от огромных скелетов в Музее естествознания в Нью-Йорке, куда его возили на экскурсию. Выражение «супер-дупер» я вообще вы-

бросила из своей речи, когда окончила начальную школу.

— Как будто у ребенка отняли конфетку, — сказала Фрэнни.

До сих пор вижу перед собой эту яму, словно дело было вчера, — впрочем, ничего удивительного. Теперь для меня жизнь — это вечное вчера. Землянка была размером с чулан: у нас дома примерно в таком же закутке хранились плащи и резиновые сапоги, но мама еще ухитрилась втиснуть туда стиральную машину, а на нее водрузила сушильный шкаф. В землянке я стояла почти в полный рост, а мистер Гарви сгибался в три погибели. Вдоль стенок выступом тянулась земляная скамья, на которую он сразу сел.

— Оцени, — сказал он.

Как завороченная, я уставилась на полочку-нишу в стене, где разглядела коробок спичек, аккумулятор и люминесцентную лампу, которая работала от батарейки, излучая слабое свечение — позже, когда он на меня навалился, черты его лица были почти неразличимы в этом жутковатом свете.

Еще в той нише лежали бритвенные принадлежности и зеркало. Это меня удивило. Не проще ли бриться дома? Но, видимо, я решила, что наш сосед — малость «ку-ку», если он, живя в солидном двухэтажном доме, роет на отшибе землянку. Для таких, как он, у моего отца было обтекаемое выражение: «Большой оригинал!»

Вот я, наверно, и подумала, что мистер Гарви — большой оригинал, но землянка у него получилась

на славу, там было тепло, и мне захотелось разузнать, как он ее выкопал, чем укрепил и где всему этому научился.

Но через три дня, когда собака Гилбертов притащила домой мою руку от локтя до кисти, с присохшей кукурузной шелухой, землянка мистера Гарви уже бесследно исчезла. Что до меня, в то время я была еще на перепутье. Мне не довелось увидеть, как он забрасывал яму землей, вытаскивал деревянные опоры и запихивал в мешок улики, в том числе и части моего тела, забыв одну руку. А когда я, возникнув заново, обрела способность наблюдать за происходящим на Земле, меня волновали только мои родные и больше никто.

Мама, раскрыв рот, сидела на жестком стуле у входной двери. Бледная, как никогда. Синие глаза уставились в одну точку. Отец, наоборот, горел жаждой деятельности. Чтобы ничего не упустить, он вызвался прочесывать кукурузное поле вместе с полицейскими. Я по сей день благодарю судьбу за то, что нам был послан скромный детектив по имени Лен Фэнермен. Это он приставил к отцу двух сержантов и отправил их в город — осматривать места, где я часто бывала с подружками. В течение всего первого дня сержанты таскались за моим отцом по торговому центру. Линдси держали в неведении, хотя в свои тринадцать лет она могла бы разобраться, что к чему; Бакли, которому было четыре года, тем более ничего не знал, да и впоследствии, честно говоря, мало что понял.

Мистер Гарви спросил, не хочу ли я чего-нибудь вкусенького. Именно так и сказал. Я ответила, что тороплюсь домой.

— Хотя бы из вежливости возьми кока-колу, — настаивал он. — Другие бы не отказались.

— Какие еще другие?

— Землянка сделана для ребят. Чтобы им было где потусоваться.

Вот это уже была полная лажа. Мне сразу почудилось вранье, причем какое-то убогое. Я про себя решила, что он совсем одинок. На занятиях по охране здоровья мы читали про таких людей. Бывают мужчины, которые не могут найти себе жену, питаются всухомятку и настолько боятся быть отвергнутыми, что даже не решаются завести собаку или кошку. Мне стало его жаль.

— Ну, ладно, — уступила я. — Давайте кока-колу.

Немного погодя он спросил:

— Тебе не жарко, Сюзи? Может, расстегнешь куртку?

Я так и сделала.

Потом он сказал:

— Ты настоящая красавица, Сюзи.

— Спасибо, — отозвалась я, хотя сама, как мы говорили в таких случаях со школьной подружкой Клариссой, чуть не обделалась.

— У тебя есть мальчик?

— Нет, мистер Гарви. — Я давилась кока-колой, но никак не могла допить. — Мне пора, мистер Гарви. У вас тут здорово, но мне пора.